

СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА В ЭВОЛЮЦИИ ФРАНЦУЗСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ*

М.В. ЗАХАРОВА

Социальные технологии все чаще проникают в общественные практики и социальные системы. Их используют с целью конструирования новых и реконструкции старых систем и связей. Так было и на прошедших этапах развития человечества. Вспомним, например, титанический труд римских юристов по созданию аутентичной управленческой системы. Однако только в XX в. гуманитарная наука пришла к необходимости теоретической оценки социальных технологий и социальной инженерии как феномена общественной практики.

Как отмечают исследователи, сам термин «социальная технология» был введен в научный оборот в 1957 г. К. Поппером в работе «Нищета историзма» в значении средства создания и преобразования социальных институтов в соответствии с определенными целями¹.

Одну из возможных идейных платформ проведения социальных технологий в жизнь задал еще в начале прошлого века Питирим Сорокин. Резко критикуя революционный способ преобразования социальной реальности, он, в частности, отмечал, что кроме революционных экспериментов существуют и другие способы улучшения и реконструкции социальной организации. Таковыми принципиальными канонами являются следующие. 1. Реформы не должны попираť человеческую природу и противоречить ее базовым инстинктам. Русский революционный эксперимент, как, впрочем, и многие другие революции, дают нам примеры обратного. 2. Тщательное научное исследование конкретных социальных условий должно предшествовать любой практической реализации их реформирования. 3. Каждый реконструктивный эксперимент вначале следует тестировать на малом социальном масштабе, и лишь если он продемонстрирует позитивные результаты, масштабы реформ могут быть увеличены. 4. Реформы должны проводиться в жизнь правовыми и конституционными средствами².

Но так ли это было с французской правовой системой? Давайте разберемся.

Свою современную историю французская правовая система, по сути, начала с революционных набатов 1789 г. Трубы Великой фран-

*Статья подготовлена в рамках задания № 2014/405 на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки России «Взаимодействие правовых систем современного мира в условиях глобализации». Код проекта 1658.

цузской революции не только заставили рухнуть Бастилию, но и сыграли отходную песнь старой Франции, Франции партикулярной³. Отныне только закон вправе был ограничивать свободу индивида, он же гарантировал равенство граждан в реализации их личных и имущественных прав. Как отмечают французские авторы, вслед за созданием первых кодификационных актов французская юриспруденция впала в настоящую «мистическую зависимость от закона»⁴.

Само же революционное законодательство выполнило важную историческую задачу по дальнейшему развитию системы французского правопорядка. Функциональная роль представленных законодательных актов в общем эволюционном пути французской правовой системы выражается, прежде всего, в следующем:

во-первых, они стали своего рода социальными мостиками между Францией партикулярной к Францией централизованной;

во-вторых, они заложили наиболее общие базисы развития всей правовой системы.

Так, в частности, Декларация прав человека и гражданина 1789 г., принятая Учредительным собранием страны 26 августа 1789 г., стала своего рода мировоззренческим флагманом французской правовой системы, на долгие годы определив облик ее настоящего и будущего.

В последующем опыт существования самой французской правовой системы стал для иностранных правопорядков универсальной социальной технологией, стандартизирующей их собственное общественное пространство. Речь идет, в частности, о настоящей кодификационной мистерии, охватившей юридическую карту мира вслед за введением в действие наполеоновских кодексов и, прежде всего, Французского гражданского кодекса⁵. *Используя метафорические образы, можно сказать, что французская кодификация начала XIX в. стала своего рода прецедентом дела и духа для последующих юридических опытов.* Непосредственное влияние только одного Французского гражданского кодекса мы можем увидеть во многих государствах Европы и остального мира.

Порой даже увлечение правоведов и государственников кодификацией приобретало крайние, отчасти утопические формы. Известна, в частности, рукопись И. Бентама (1748 — 1832) «Здесь начинается Панномион⁷ французской нации. Он введен в действие Нами, Людовиком, Королем Нации, Шестнадцатым по имени, с согласия Генеральных штатов, собравшихся в Версале, 1 января года 1800 христианской эры»⁸. Бентам составляет многочисленные проекты кодексов, которые безуспешно предлагает различным государствам, а также пишет три трактата, позволяющие нам судить о его концепции кодификации⁹.

Подобно тому, как Французский гражданский кодекс был своего рода прецедентом дела и духа многих национальных правопорядков, Декларация прав человека и гражданина 1789 г. стала своего рода ориентиром в развитии государств, вставших на либеральный

путь развития. К настоящему периоду времени Франция республиканская, безусловно, хотела бы сохранить некогда завоеванный статус флагамена демократического общества, флагамена, который способен не только жить прошлыми завоеваниями, но и зажигать новые звезды. В любом случае сами французы смотрят в будущее с оптимизмом, граничащим даже с некоторой самоуверенностью. Так, в частности, Ф.-Х. Приоло и Д. Сирицки полагают, что «Франция должна взять на себя функции *leadership* как представителя общеевропейских ценностей и социальных моделей развития»¹⁰.

Еще одним из вариантов социальной технологии, упорядочивающей на сегодняшний момент времени социальную жизнь «среднего» европейца, оказалась *интеграционная модель общественного уклада жизни*. Франция, надо отметить, стала, наряду с Бельгией, Италией, Люксембургом, Нидерландами и ФРГ пионером общеевропейских интегративных модулей. 18 апреля 1951 г. эти страны подписали в Париже Договор об учреждении Европейского объединения угля и стали, который вступил в силу после ратификации его сторонами 25 июля 1952 г. Сам же договор о Европейском Союзе был подписан 7 февраля 1992 г. в нидерландском городе Маастрихт.

Конституционные основы пролонгации европейского права во французском юридическом пространстве были заданы ст. 88-1 Конституции, введенной в действие Конституционным законом № 92-554 от 25 июня 1992 г. Данная статья, в частности, гласит, что «Республика участвует в Европейских сообществах и в Европейском Союзе, образованных государствами, вошедшими в них свободно для совместного осуществления определенной компетенции на основании международных договоров, которые эти государства выработали. Республика может участвовать в Европейском Союзе при соблюдении условий, предусмотренных подписанным 13 декабря 2007 г. Лиссабонским договором, изменяющим Договор о Европейском союзе и Договором, учреждающим Европейское сообщество»¹¹.

В вопросах же внедрения на социальном поле страны, так называемой общеевропейской Конституции Франция заняла консервативную позицию. На референдуме по данному вопросу, организованном 29 мая 2005 г., граждане страны высказались вполне однозначно «против» указанной инициативы.

В правовом плане командорская поступь евроинтеграции хотя и не означала для правовой системы потерю юридического суверенитета, но определенные стеснения ей, безусловно, доставила. В частности, не всегда само интерактивное право следует признавать созвучным национальному праву страны-участницы, его разделяющей. В частности, в ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека подчеркивается, что «каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвине-

ния имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом». Таким образом, традиционный для Франции институт административной юстиции остался, по сути, за рамками действия данной Конвенции.

Другой пример – на этот раз из практики Европейского Суда, касающийся весьма деликатного вопроса о правовом статусе лиц, сменивших пол. Поначалу Кассационный суд Франции не связывал какие-либо последствия с переменной пола и отказывался вносить изменения в реестр гражданских состояний после проведения хирургического вмешательства. 25 марта 1992 г. по жалобе лица, изменившего пол, Европейский Суд осудил Францию за нарушение ст. 8 Конвенции и постановил, что на основании решений французского права «заявитель постоянно находится в ситуации, несовместимой с должным уважением к его частной жизни». Таким образом, в первый раз Франции поставили в упрек нарушение, которое проистекает из применения национальных норм права. А 11 декабря следующего года Кассационный суд изменил свою судебную практику: два пленарных постановления привели французскую практику в соответствие с требованиями Конвенции, интерпретируемой Страсбургским судом¹².

В целом же магистральными векторами в эволюции французской правовой системы, связанными с европейской интеграцией, следует считать тенденции к ее интернационализации и конвергенции с правопорядками других европейских государств.

Достаточно иллюстративно проявила себя указанная выше конвергенционная тенденция в деле «Касис де Дижон». Известный французский ликер под этим названием был запрещен к продаже в ФРГ в связи с тем, что он не соответствовал стандартным требованиям к ликеру, установленным действующими правовыми предписаниями ФРГ, которые предусматривают содержание спирта в ликере не менее 25%, в то время как французский ликер содержит примерно 17%. Суд ЕС признал меры, принятые ФРГ, равнозначными скрытому ограничению свободы передвижения товаров, противоречащими праву ЕС, и установил, что соответствие товара принятому стандарту определяется законом страны производства, а не потребления. Таким образом, через казуальный путь функциональности было вызвано к жизни следующее абстрактное правило, лежащее в плоскости конвергенции правовых систем членов Европейского Союза и направленное на создание общего экономического рынка между ними: «Любой продукт, законно произведенный и продаваемый в одном государстве-члене, должен в принципе быть допущен на рынок любого другого государства-члена»¹³.

Что касается претворения в жизнь во Франции иных элементов идеальной модели социальной реконструкции, о которой писал П. Сорокин (пункты № 2, № 3, № 4 его программы инженерии обще-

ственной жизни), то в целом следует признать, что реформирование различных сторон социальной жизни во Франции — это процесс научно апробированный, не являющийся для общественности новогодним сюрпризом. С другой стороны, следует также констатировать, что в отличие от инженерии в точном смысле слова, касающейся деталей технических, социальная инженерия должна предполагать, что объект «техногенного» воздействия — гражданское общество разделяет принципиальные положения самой реформы. По крайней мере, большая его часть. Во Франции же мы все чаще можем сталкиваться не просто с так называемыми «непопулярными правительственными мерами» по оздоровлению того или иного сектора социальной жизни (например, законы о повышении налогового бремени), но с реформами, оказывающими влияние на традиционные устои французского общества. Яркое тому свидетельство знаменитый Закон № 2013-404 от 17 мая 2013 г. «Брак для всех», не только легализующий однополые браки — браки без границ¹⁴, но принципиально трансформирующий всю систему семейного права Франции. В частности, речь идет о появлении в Гражданском кодексе новой статьи 6-1, которая устанавливает, что *«брак и родство в силу усыновления имеют те же последствия, права и обязанности, признанные законом, за исключением предусмотренных в Разделе VII Книги I настоящего Кодекса, независимо от того, одного ли разного ли пола супруги или родители»*.

Социальная реакция на этот закон стала вполне предсказуемой: и в ходе обсуждения этого закона в Парламенте¹⁵, и после его принятия нашлись как сторонники, так и противники этих реформ: часть французского общества, выражая несогласие с подобными законодательными изменениями, выходила на улицы своих городов и городков с манифестациями. Кроме того, в конце мая 2013 г. (т.е. после принятия этого закона в Парламенте) мэр одного из городов департамента Атлантические Пиренеи, входящий в одну из правых партий, отказал в регистрации брака однополым кандидатам. Однако президент страны Франсуа Олланд не без помощи Правительства и Парламента, где у социалистов на момент принятия закона было большинство, провел свое предвыборное обещание в жизнь.

Итак, как видим из представленного выше краткого иллюстративного анализа, социальные технологии, созданные для людей ими же самими, выступили весомыми механизмами реконструкции и самой французской правовой системы, и родственных с ней право-порядков. Социальная инженерия, которая никогда не была чужда практикам правовых систем мира (в том числе и французской) в плане онтологическом, в гносеологическом своем разрезе выступает совсем юным созданием. Для нее в гуманитарной науке все только начинается.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Ponner K.P.* Нищета историзма // Из истории мировой гуманитарной мысли. Антология. – М., 1995. С. 418 – 420.

² См. подробнее: *Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1992.

³ См. подробнее: *Halperin J.-L.* Histoire du droit privé français depuis 1804. – Paris, 1996.

⁴ Ibid.

⁵ Сам Наполеон говорил о своем детище так: «*Ce que rienn' effacera, ce qui vivra éternellement, c'est mon Code Civil*» – «То, что не сотрется, то, что будет жить вечно, это мой Гражданский кодекс».

⁶ Как пишет профессор Л.В. Головкин, в данном случае речь идет о неологизме, составленном из греческих слов *πάσις* («все») и *νόμος* («закон»), который означает нечто вроде «Свода всех законов» или «Всезаконника» // *Кабрияк Р.* Кодификации. – М., 2007. С. 69.

⁷ Цит. по: *Ost F.* Le temps du droit. – Paris, 1999. P. 230.

⁸ Он завершает свои труды на этом поприще публикацией в 1830 г. некоего конституционного кодекса. Будучи убежден в превосходстве закона, Бентам активно ратует за принятие всеобщего и цельного кодекса – так называемого «Панномиона», который надлежит составить на доступном для всех языке, причем его полнота должна быть столь абсолютной, чтобы не оставить ни малейшего места для толкования // *Кабрияк Р.* Кодификации. С. 69.

⁹ *Priollaud F.-X., Siritzky D.* Que reste-t-il de l' influence française en Europe? – P., 2011. P. 165.

¹⁰ Конституции зарубежных государств / сост. В.В. Маклаков. – М., 2009. С. 112.

¹¹ *Леже Р.* Великие правовые системы современности. – М., 2009. С. 40.

¹² В дальнейшем теоретические максимы представленного выше дела были положены в основу ст. 34 Лиссабонского договора: «Между государствами-членами запрещаются количественные ограничения на импорт, а также любые равнозначные меры» (в редакции Маастрихтского договора данная норма была закреплена в ст. 28).

¹³ До этого времени только заключение пакта гражданской солидарности (ПГС) на основании Закона № 99-944 от 15 ноября 1999 г., предоставляло однополым парам упорядоченный правовой статус, хотя и менее регламентированный, чем брак. В законодательстве вопрос о действительности однополых браков был впервые поднят в Суде высшей инстанции города Бордо после заключения однополого брака заместителем мэра города Жиронды. Суд в своем решении от 27 июля 2004 г. признал, что, если вопрос о возможности пересмотра понятия брака может быть обсужден на законодательном уровне на основании действующих законов, то должно быть вынесено решение о недействительности брака между двумя лицами одного пола. Апелляционный суд города Бордо подтвердил это решение в 2005 г., утверждая, что половые различия являются условием существования брака. Не удивительно, что в 2007 г. Кассационный суд отклонил кассационную жалобу на решение Апелляционного суда города Бордо, утверждая, что по французскому законодательству «брак является союзом мужчины и женщины», и, что этот принцип не противоречит никакому положению международных конвенций, действующих во Франции (см. подробно: *Гийемен М.* Лега-

лизация однополых браков по французскому праву // *Lexrussica* (Труды МГЮА), 2014. № 2).

¹⁴ 7 ноября 2012 г. госпожа Кристиан Тобира, министр юстиции, представила Совету Министров законопроект, «нацеленный на легализацию однополых браков». Дебаты в Парламенте начались в *конце января*. 12 февраля законопроект был принят Национальным Собранием с поправкой в первом чтении. Рассмотрение в Сенате началось 2 апреля. Палата Сената приняла закон в первом чтении с поправкой 12 апреля 2013 г. После 170-часового обсуждения в Парламенте окончательный текст законопроекта был принят 23 апреля 2013 г.

REFERENCES

- Constitutions of foreign states / compiled by V.V. Maklakov. Moskva, 2009. P. 112.
Guillemin M. Legalization of same-sex marriages according to the French law // *Lexrussica*. (Works of the Moscow State University of Law). 2014. No 2.
Legerais R. Great contemporary legal systems. Moskva, 2009. P. 40.
Popper K.R. The Poverty of Historicism. From the history of the world humanitarian knowledge. Anthology. Moskva, 1995. P. 418 – 420.
Sorokin P.A. Man. Civilization. Society. Moskva, 1992.

Аннотация

В статье анализируются проблемы влияния социальных технологий на реконструкцию французской правовой системы и родственных с ней правовых систем. С целью решения поставленных научных проблем, автор обращается к законодательной и судебной практикам, сложившимся во французском праве. Выдвигается тезис о необходимости дальнейшего изучения социальных технологий в содержательном модусе российского и зарубежного права.

Ключевые слова: право, система, технология, развитие, эволюция, законодательный, судебный.

Summary

The article explores the impacts produced by the social technologies on the reconstruction of the French legal system and the legal systems related thereto. In search of solutions to the scientific queries in question, the author turns to the established legal practice and judicial precedents prevailing in the French law emphasizing the need for further studies of the social technologies in substantive terms of Russia's and other nations' law.

Keywords: law, system, technology, development, evolution, legislative, judicial.